

**ПРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНІЕ
РУССКАГО ОБЩЕСТВА**

ВЪ XVI ВѢКѢ,

ПО СОЧИНЕНІЯМЪ

МАКСИМА ГРЕКА

И СОВРЕМЕННЫМЪ ЕМУ ПАМЯТНИКАМЪ.

~~~~~  
**СОЧИНЕНІЕ**

**Ивана Преображенскаго.**

—♦—  
**МОСКВА.**

**Типографія Э. Лисснеръ и Ю. Ромѣвъ, на Арбатѣ, д. Каринской.**

**1881.**



Преображенскій, I.V.

# ПРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНІЕ РУССКАГО ОБЩЕСТВА

ВЪ XVI ВѢКѢ,

ПО СОЧИНЕНІЯМЪ

**МАКСИМА ГРЕКА**

И СОВРЕМЕННЫМЪ ЕМУ ПАМЯТНИКАМЪ.



СОЧИНЕНІЕ

**Ивана Преображенскаго.**

130710 R 546



**МОСКВА.**

Типографія Э. Лиссверъ и Ю. Романъ, на Арбатѣ, домъ Каринской.

1881.

TK

ДК100  
Р7

По опредѣленію Совѣта Московской Духовной Академіи печатать дозволяется.  
7 Января 1881.

Ректоръ Протоіерей С. Смирновъ.

# НРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНІЕ РУССКАГО ОБЩЕСТВА

въ XVI вѣкѣ,

по сочиненіямъ

**МАКСИМА ГРЕКА**

и современными ему памятникамъ.

~~~~~

Когда оцѣниваютъ нравственность какого либо лица, то не довольствуются однимъ только простымъ перечнемъ его поступковъ, хорошихъ, или дурныхъ; но для правильной оцѣнки считаютъ необходимымъ проникнуть во внутреннюю жизнь человѣка, обнаруженіе которой и составляютъ тѣ или другіе поступки, — принимаютъ во вниманіе среду, въ которой живетъ лице, подлежащее оцѣнкѣ, условія, при которыхъ совершались имъ его дѣйствія и проч. Такое отношеніе — употребимъ юридическій терминъ — къ подсудному имѣетъ ближайшею цѣлю выяснить мотивы къ дѣйствию, и есть единственно законное и вполне необходимое отношеніе. Кому не извѣстно, что часто само по себѣ и доброе дѣло имѣетъ источникомъ своимъ далеко неодобрительныя намѣренія; съ другой стороны и порокъ не всегда есть слѣдствіе злой и испорченной воли. Наприм. часто благотворятъ не потому, что чувствуютъ состраданіе къ несчастному ближнему и желаютъ облегчить его горькую участь, но потому, что рассчитываютъ на знакъ отличія, на признательность общества, и наоборотъ, — бываетъ, что иногда рѣшаются на воровство и грабительство не вслѣдствіе забвенія заповѣдей Божіихъ, а вынуждаются гнетущей нуждой. Въ томъ и другомъ случаѣ фактъ представляется въ особомъ свѣтѣ, соотвѣтственно чему и самая оцѣнка его измѣняется.

Чего справедливость требуетъ при оцѣнкѣ нравственности частнаго лица, тоже необходимо соблюдать и при оцѣнкѣ нравственнаго состоянія цѣлаго общества, цѣлаго народа. Народъ, при всей многочисленности своихъ членовъ, представляетъ однако своего рода одинъ организмъ, проникнутый однимъ общимъ духомъ, который составляютъ господствующія понятія и убѣжденія. Изъ этихъ понятій и убѣжденій слагаются принципы, которыми и руководится народъ въ своей жизни. Эти принципы въ различное время бываютъ различны. Человѣку врождена способность къ высшему духовному развитію, къ постоянному усовершенствованію, а потому и общество человѣческое не можетъ оставаться постоянно на одной и той же ступени. Дѣйствительно, мы видимъ, что каждый народъ проходитъ извѣстныя фазы въ своемъ развитіи, мѣняетъ свои понятія, идеи, и вмѣсто старыхъ, вноситъ въ свою жизнь новыя начала, которыя онъ считаетъ за лучшія, и имъ, какъ лучшимъ, даетъ права гражданства. Имѣя въ виду этотъ общій каждому народу и непреложный историческій законъ, мы, намѣреваясь изобразить нравственное состояніе русскаго общества за XVI вѣкъ, преимущественно за первую его половину, необходимо должны знать, какими принципами руководилось въ своей жизни тогдашнее общество. Безъ знанія факторовъ древне-русской общественной жизни мы не поймемъ эту жизнь надлежащимъ образомъ, а слѣдовательно, не въ состояніи будемъ и оцѣнить ее по достоинству. Митр. Платонъ въ предисловіи къ своей «Церковной россійской исторіи» осуждаетъ нѣкоторыхъ современныхъ ему «исторіи россійской писателей» между прочимъ за то, что они «древніе духовенства поступки, съ тогдашнимъ (древнимъ) временемъ сходственные, представляли по образу мыслей и состоянію настоящаго (современнаго м. Платону) времени, — что съ порядкомъ и истиною исторіи никакъ несовмѣстительно. Что было, говорить онъ, того переимѣнить невозможно; и должно оное исторіку такъ представлять, какъ оно было, ибо было бы безразсудно и несовѣстно (не по совѣсти) представлять, что аки бы за 500 лѣтъ такъ должны разсуждать и поступать, какъ нынѣ мудрствуютъ и поступаютъ; и будто бы все то было или неосновательно, или суевѣрно, или злонамѣренно, что

вынѣ съ нововозникшимъ слишкомъ похваляемаго любомудрія мыслей образомъ не сходственно¹⁾.

Итакъ, прежде нежели описывать нравственное состояніе русскаго общества XVI в., намъ необходимо установить точку зрѣнія, съ которой должно разсматривать общественную жизнь того времени. Эта задача намъ представляется настолько важною, что мы сочли необходимымъ отвести на этотъ предметъ особую главу своего сочиненія, которую поэтому можно назвать вступительною. Въ этой главѣ мы напѣрены съ возможною обстоятельностью и полнотою изучить *умственно-религіозную* жизнь данной эпохи. Безъ этой же главы мы считали бы свое сочиненіе зданіемъ, основаннымъ на пескѣ.

Христіанство (православное) поставляетъ вѣру и нравственность въ самую тѣсную и неразрывную связь. Оно учитъ, что *безъ вѣры невозможно угодити Богу* (Евр. XI, 6); но, съ другой стороны, оно возвѣщаетъ, что *вѣра* только *любовію поспѣшествуема* (Гал. V, 6) имѣетъ значеніе въ христіанствѣ. Какъ зданіе безъ фундамента непрочно, такъ и нравственность человѣка безъ вѣры не имѣетъ значенія, и наоборотъ, какъ фундаментъ безъ зданія не имѣетъ значенія, такъ и вѣра безъ нравственности теряетъ свою цѣну. Какъ же теперь съ религіозной (христіанской) точки зрѣнія цѣнить нравственность человѣка безъ отношенія къ его вѣрѣ?... Но намъ могутъ возразить: если уже съ религіозной точки зрѣнія смотрѣть на нравственность русскаго общества въ данную эпоху, то въ такомъ случаѣ совершенно лишній трудъ устанавливать какую либо точку зрѣнія на нравственность тогдашняго общества. Христіанская точка зрѣнія на нравственность извѣстна почти XIX вѣковъ, съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ само христіанство. Оправдаемся примѣрами. Вѣдь одна и таже Библия была въ рукахъ папы Гильдебранда и Лютера, у францисканцевъ и іезуитовъ. Но приходило ли въ голову, напр., Гильдебранду то, что вывелъ изъ одной и той же Библии Лютеръ? — Библия всегда одна и неизмѣнна, какъ вѣчна и неизмѣнна Истина, сообщившая

¹⁾ Церковная російская исторія м. Платона; предисловіе стр. XVII—XVIII. Приведенныя слова, сказанныя по отношенію къ духовенству, вполне приложимы и къ цѣлому обществу.

ее; но пониманіе Библии не всегда одинаково, какъ непостоянно и измѣнчиво человѣчество. По мѣрѣ того, какъ каждый народъ проходитъ различныя ступени въ своемъ развитіи, онъ мѣняетъ свои понятія и воззрѣнія, вмѣстѣ съ этимъ измѣняется его пониманіе и Библии, въ частности измѣняется взглядъ на нравственность. Такимъ образомъ, отъ развитія общества, отъ того или другаго уровня и характера его образованія, зависитъ пониманіе обществомъ своей религіи, а отсюда и его взглядъ на нравственную жизнь. Принимая во вниманіе выше сказанное, мы во вступительной (I-й) главѣ своего сочиненія намѣрены сказать о состояніи просвѣщенія на Руси въ данную эпоху. Познакомившись съ состояніемъ просвѣщенія, мы не будемъ поражаться, какъ неожиданностію, тогдашнимъ пониманіемъ русскими своей религіи. Вмѣстѣ съ отвѣтомъ на вопросъ — какъ понимали наши предки свою вѣру, мы установимъ и точку зрѣнія, съ которой должно смотрѣть на общественную жизнь того времени. Въ той же I главѣ своего сочиненія, говоря о характерѣ и содержаніи духовной литературы, служившей источникомъ религіознаго просвѣщенія для нашихъ предковъ, мы встрѣтимся съ весьма крупнымъ явленіемъ въ умственно-религіозной жизни современниковъ Максима Грека, именно съ остатками языческихъ понятій и вѣрованій. Объясняя это явленіе, мы укажемъ причины, почему, не смотря на вѣковыя заботы нашей церкви искоренить язычество, послѣднее у насъ всетаки такъ долго не уничтожалось. Игнорировать этимъ вопросомъ для насъ, тѣмъ болѣе невозможно, что прямыя свидѣтельства такого важнаго для насъ памятника, какъ Стоглавъ, поставляютъ насъ въ необходимость обратить вниманіе на ту сторону религіозно-нравственной жизни русскаго народа, которая обращена была къ языческой старинѣ.

Но какъ нравственность отдѣльнаго лица часто и во многомъ зависитъ отъ условій окружающей его среды, такъ что оно (лицо) совершаетъ тѣ или другіе поступки не по собственному убѣжденію, а иногда даже противъ убѣжденія, вынуждаемое къ тому непреодолимою силою обстоятельствъ; такъ и цѣлое общество въ нравственной своей жизни во многомъ зависитъ отъ того или другаго устройства его въ политическомъ, административномъ, юридическомъ

и экономическомъ отношеніяхъ. Поэтому, при изображеніи отдѣльныхъ сторонъ общественной нравственности, на которыя имѣлъ вліяніе существовавшій порядокъ вещей въ томъ или другомъ отношеніи, мы старались по возможности выяснитъ это вліяніе, чтобы тѣмъ самымъ облегчить для себя надлежащее пониманіе дѣла въ истинномъ его свѣтѣ. Такимъ образомъ, въ тѣхъ главахъ, которыя посвящены спеціально изображенію нравственнаго состоянія общества, будутъ встрѣчаться у насъ замѣчанія о социальномъ строѣ русскаго государства того времени. — Для удобства въ изслѣдованіи предмета, мы раздѣляемъ тогдашнее общество на три крупныхъ класса — на духовенство, мірянъ и классъ монашествующихъ; на каждый классъ опредѣляемъ отдѣльную главу.

Во главѣ памятниковъ, на основаніи которыхъ будемъ изображать нравственное состояніе русскаго общества въ данную эпоху, мы поставляемъ сочиненія препод. Максима Грека, образованнѣйшаго человѣка своего времени, прибывшаго къ намъ для совершенія одного частнаго книжнаго дѣла, но, по стеченію обстоятельствъ, навсегда оставшагося въ Россіи. То обстоятельство, что пр. Максимъ Грекъ не былъ сыномъ Россіи, а случайнымъ жителемъ въ ней, не только не умаляетъ его авторитета, какъ главнѣйшаго нашего руководителя при изображеніи нравственнаго состоянія русскаго общества за данный періодъ, а напротивъ, какъ немного ниже увидимъ, возвышаетъ этотъ авторитетъ. Кромѣ того, что Максимъ Грекъ былъ человѣкъ весьма образованный, онъ отличался еще особенною любовію къ истинѣ, огненною ревностію къ славѣ Божіей и необыкновенною чуткостію ко всѣмъ явленіямъ современнаго ему русскаго общества. Онъ не молчалъ тамъ, гдѣ нужны были его совѣтъ и наставленіе, но главное — онъ не могъ терпѣть достойнаго укоризнѣ и порицаній и вотъ здѣсь-то онъ являлся настойчивымъ и самымъ беспощаднымъ критикомъ и обличителемъ. Характеризуя пр. Максима Грека по его сочиненіямъ, преосвящ. Филаретъ говоритъ: «Въ многочисленныхъ писаніяхъ его нельзя не удивляться разнообразію свѣдѣній его и талантовъ: онъ Филологъ и Историкъ, Поэтъ и Ораторъ, Философъ и Богословъ; но даръ, который болѣе другихъ имѣлъ въ немъ силу, былъ *даръ крити-*

ки; вездѣ и во всемъ онъ критикъ: излагаетъ ли онъ догматъ, пишетъ ли правоученіе, изъясняетъ ли писаніе, предлагаетъ ли повѣствованіе (не говоримъ о его разборѣ книгъ церковныхъ), — онъ все разсматриваетъ критически; весьма немного предметовъ, за которые бы онъ брался съ одною цѣлю — положительнаго учителя. Дыша ревностію ко славѣ Божіей и заботливостію о спасеніи ближнихъ, онъ сокрушался горькою скорбію, смотря на господствующіе пороки и невѣжество, — и спѣшилъ подавать имъ врачевство такое, какое только можетъ отыскать и подать любовь, ревнующая о Господѣ и ближнихъ. То, что писалъ онъ о своей пламенной любви къ истинѣ въ нѣсколькихъ апологіяхъ и въ письмѣ къ м. Даниилу, повторялъ онъ и въ другихъ сочиненіяхъ; и *духъ самыхъ писаній его оправдывалъ слова его*. «Жегомъ Божественною ревностію», по собственнымъ словамъ его, трудился онъ, занимаясь трудами учеными. «Много», писалъ онъ въ началѣ увѣщанія своего нѣкому игумену, «много свойствъ въ любви показано св. апостоломъ; но, по мнѣнію моему, самое отличительное свойство ея — не радоваться о неправдѣ, радоваться же о истинѣ: тотъ истинный другъ, кто отъ всей души радуется добрымъ дѣламъ друга, и скорбитъ, когда видитъ того въ заблужденіи, — кто болѣзную о другѣ, все употребляетъ, чтобы оказать ему полезную помощь... *Сею убо и азъ любовію связанъ къ твоему преподаству, возлюбленне ми брате, неправдуя явлюся* воистину въ законы святныя любви, *аще умолчу*, о нихъ же слышу ты сослѣдствующа Еллинскаго и Халдейскаго и Латинскаго, бѣсы обрѣтеннаго учительства»...¹⁾. Можно короче, въ двухъ словахъ, вѣрно и полно охарактеризовать Максима Грека. Онъ — публицистъ и критикъ. Что препод. Максимъ смотрѣлъ на свою дѣятельность съ религіозной стороны или почиталъ ее за религіозный долгъ, это съ особенною ясностію видно изъ слѣдующаго обращенія его къ Іоанну Грозному: «Благовѣрнѣйшій царю, молю преславную державу твою, прости мя въ томъ, яко не обинуяся глаголю пригодноя ко утвержденію богочраимныя державы твоея и всѣхъ свѣтлѣйшихъ твоихъ вельможъ,

¹⁾ Москвитянинъ 1842 г., № 11, стр. 65—66 въ статьѣ пр. Филарета—«Максимъ Грекъ».

долженъ бо есмь преценія ради онаго раба мѣнишаго, скрыва-
шаго талантъ Господа своего въ землю»¹⁾). И если бы его
обличенія не имѣли успѣха, то и тогда онъ считалъ себя чистымъ
предъ своею совѣстію, потому что выполнилъ свой долгъ: «аще бо
благополучнѣ стрѣлить слово, писалъ онъ, Богу слава по примѣтѣ
устремленіе его исправившему; аще же погрѣшитъ предложенія, и
вашей мысли не прикоснется и тако слава Богу, воздвигшему
насъ къ вашему исправленію»²⁾). Но сочиненія Максима Грека
имѣютъ величайшую важность при изученіи *внутренней* жизни
русской церкви главнымъ образомъ потому, что онъ, прибывшій
къ намъ изъ другой страны, лучше, чѣмъ сами русскіе, могъ по-
нять и оцѣнить эту жизнь. Русскіе блюстители нравовъ видѣли
предъ собою только примѣръ предковъ, и потому ихъ жизнь пред-
ставляли какъ идеаль возможнаго совершенства; они никогда не
могли понять того, что этотъ идеаль можетъ отжить свое время,
такъ какъ не имѣли предъ собою ничего другаго, съ чѣмъ бы
могли сравнить его. Напротивъ того, Максимъ Грекъ, видѣвшій
на вѣку своемъ образованнѣйшіе центры современной Европы, имѣв-
шій случай познакомиться съ различными образцами устройства об-
щественной жизни и порядка отношеній между сословіями, могъ
взглянуть на русскую жизнь иными глазами, оцѣнить ее не такъ,
какъ привыкли цѣнить наши собственные моралисты.

Послѣ сочиненій Максима Грека первое мѣсто принадлежитъ
свидѣтельствамъ Стоглава, какъ официального памятника, въ кото-
ромъ отцы собора записали свѣдѣнія, собранныя ими со всѣхъ краевъ
Руси, съ цѣлію исправить неправоe, искоренить вредное. Стоглавъ,
можно выразиться, есть книга, въ которой правительствомъ и церковію
подведенъ былъ *итогъ* ко всей старой жизни.

Изъ второстепенныхъ источниковъ болѣе другихъ будемъ оста-
навливаться на «сочиненіяхъ митрополита Даніила» тогдашняго,
по выраженію Максима Грека, «доктора закона Христова»³⁾).

¹⁾ Сочиненія Максима Грека, т. II стр. 335. Казань 1859 г.

²⁾ Тамъ же I, стр. 458.

³⁾ Отзывъ Максима Грека о м. Даніилѣ, см. въ I т. сочин. Максима,
530—531.

Митр. Данилъ былъ строгій ревнитель о вѣрѣ и благочестіи, о своемъ пастырскомъ долгѣ, о своемъ духовномъ стадѣ. Изъ его словъ съ нравственнымъ содержаніемъ видно, что онъ очень зорко слѣдилъ за нравственными недостатками и слабостями своихъ пасомыхъ и въ своихъ обличеніяхъ, подобно Максиму Греку, не щадилъ никого, ни богатыхъ и знатныхъ, ни пастырей и самихъ архипастырей, ни простыхъ иноковъ, ни ихъ властей. Читая свидѣтельства м. Данила о нравственномъ состояніи его паствы, свидѣтельства, отличающіяся особенной живостію, образностію, краснорѣчіемъ, непринятая кротостію и отеческою любовію, часто трогательными увѣщаніями, а иногда даже мольбою, невольно чувствуешь, что онъ *проникнутъ* тѣмъ, о чемъ говоритъ, и свои краски и образы беретъ прямо изъ жизни. Вотъ почему въ его сочиненіяхъ такъ ярко отражается современная нравственность общества.

Не мало важныхъ и интересныхъ свидѣтельствъ, относящихся къ нравственной характеристикѣ тогдашняго общества, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ словъ его, найдемъ мы въ «Сказаніяхъ» князя Андрея Михайловича Курбскаго, въ письмахъ Іоанна Васильевича Грознаго, въ посланіяхъ старца Артемія и въ «Домостроѣ», приписываемомъ о. Сильвестру. Изображая нравственность духовенства, преимущественно монашества, мы будемъ принимать во вниманіе и сочиненіе князя-инока Вассіана, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они не противорѣчатъ другимъ болѣе важнымъ свидѣтельствамъ. — Кромѣ указанныхъ источниковъ, будемъ пользоваться относящимися къ тому времени разными грамотами, посланіями, актами, лѣтописями и вообще всѣми современными памятниками, которые мы могли имѣть подъ руками.

При множествѣ отечественныхъ памятниковъ, мы не оставляли безъ вниманія и свидѣтельства иностранцевъ о нравственномъ состояніи русскаго общества. Конечно, свидѣтельства иностранцевъ о внутренней сторонѣ нашей церковной жизни и религіознаго быта не могутъ сравняться по важности и достоинству съ отечественными памятниками. Бѣглыя наблюденія, сдѣланныя въ короткое время, не могутъ уловить характеристическихъ чертъ нравственной жизни народа; для оцѣнки ея путешественникъ могъ имѣть предъ собой

только отдѣльныя, случайно попавшіяся ему на глаза явленія, а нравственная жизнь народа всего менѣе можетъ быть опредѣлена по отдѣльнымъ, случайнымъ фактамъ и явленіямъ. Мало того, въ большей части случаевъ западно-европейскій путешественникъ не могъ даже вѣрно описать и отрывочныя явленія этой жизни: нравственный бытъ и характеръ русскихъ людей описываемаго времени долженъ былъ казаться ему слишкомъ страннымъ, слишкомъ несходнымъ съ основными его понятіями и привычками, чтобы онъ могъ отнестись къ нему съ полнымъ спокойствіемъ, взглянуть на него не съ своей точки зрѣнія, а со стороны тѣхъ историческихъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ слагался этотъ бытъ и характеръ¹⁾. При всемъ этомъ, однако, едва ли можно отрицать всякое значеніе иностранныхъ свидѣтельствъ въ смыслѣ историческаго матеріала, годнаго для очерка нашей нравственной жизни. Не говоря уже о томъ, что эти свидѣтельства полезны бывають въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ощущается недостатокъ въ отечественныхъ матеріалахъ, или гдѣ историческое свидѣтельство можетъ быть лучше освѣщено и уяснено чрезъ сопоставленіе отечественныхъ памятниковъ съ свидѣтельствами иностранцевъ, — послѣдніи имѣють для насъ свое несомнѣнное, положительное достоинство. Положимъ, что иностранцамъ доступна была только *внѣшняя* сторона религіознаго быта русскихъ: религіозныя обычаи и разныя приемы благочестія. Но такъ какъ эти обычаи и внѣшніе приемы служатъ проявленіемъ внутренней жизни, — выраженіемъ религіозныхъ чувствъ и представленій, то они по тому самому могутъ служить нѣкоторою оцѣнкою религіозно-нравственнаго настроенія, характера и склада благочестивой жизни. Это особенно приложимо къ простой неразвитой массѣ народной, гдѣ чувство и его обнаруженіе находятся въ самой тѣсной и непосредственной связи. Но эти обычаи религіозныя и внѣшніе приемы благочестія, какъ явленія быденныя, составляющія, такъ сказать, правило, обыкновенный порядокъ повседневной жизни, становятся для наблюдателя-соотечествен-

¹⁾ На этихъ основаніяхъ В. О. Ключевскій отказался въ своемъ сочиненіи — «Сказанія иностранцевъ о московскомъ государствѣ» — описывать нравственное состояніе русскаго общества по свидѣтельствамъ иностранцевъ. Москва 1866 г., стр. 8—9.

ника мало по малу какъ бы незамѣтными: онъ до того съ ними свыкся, что не обращаетъ на нихъ никакого вниманія, и даже не подозреваетъ, чтобы они могли служить оцѣнкою религіозно-нравственнаго настроенія. Для посторонняго же наблюдателя-иностранца, непривыкшаго къ русскому строю нравственной жизни, эти незамѣтныя и незначительныя для насъ явленія сохраняютъ значеніе живыхъ и очень замѣтныхъ чертъ нашихъ религіозныхъ нравовъ и обычаевъ. «Эти черты, говоритъ г. Рущинскій, взятныя съ натуры, даютъ возможность изобразить картину, въ которой выпукло отображается складъ и, такъ сказать, религіозно-нравственная фizioномія народа, въ виду которой мы сами, носящіе тотъ же складъ и имѣющіе ту же фizioномію, испытываемъ такое же ощущеніе, какъ будто эти образы представлялись намъ въ первый разъ. Поэтому, продолжаетъ тотъ же Рущинскій, описаніе иностранцами, такъ сказать, будничной стороны нашего религіознаго быта, которая ихъ особенно поражала и которая, въ то же время, была имъ вполне доступна, вовсе не такъ маловажно, какъ это можетъ показаться съ перваго раза, и можетъ служить весьма годнымъ матеріаломъ для очерка нашего склада религіозной жизни»¹⁾.

Но если гдѣ имѣютъ значеніе свидѣтельства иностранцевъ, такъ это въ вопросѣ объ отношеніи русскихъ къ иностранцамъ, какъ къ иновернымъ, такъ и къ православнымъ. Это отношеніе въ томъ его видѣ, въ какомъ оно существовало въ данное время, составляетъ одну изъ важнѣйшихъ по своимъ послѣдствіямъ нравственно-національныхъ чертъ русскаго народа. Къ сожалѣнію, эта черта многими нашими историками почти не примѣчается, или если и разсматривается, то крайне односторонне и безъ должнаго вниманія. Кто же съ такою подробностію и полнотою могъ описать эту значительную сторону нашей жизни, какъ не иностранцы, къ которымъ она имѣла ближайшее практическое приложеніе, потому что отъ такого или другаго взгляда и отношенія къ нимъ русскихъ зависѣло такое

¹⁾ Религіозный бытъ русскихъ у иностранцевъ XVI и XVII вв. въ Читеніяхъ Московск. Императорск. Общества исторіи и древностей россійскихъ, 1871, III, стр. 3—4.

или другое положеніе ихъ среди русскихъ? Относительно этого предмета свидѣтельства иностранцевъ, какъ справедливо утверждаетъ упомянутый г. Рущинскій, имѣютъ для насъ болѣе значеніе, чѣмъ отечественныя, имѣющія правительственное происхожденіе, officialный, чуждый искренности, характеръ. Между тѣмъ въ сочиненіяхъ иностранныхъ писателей мы видимъ болѣе простое и болѣе откровенное ихъ отношеніе къ предмету, ихъ личный взглядъ на отношеніе къ нимъ русскихъ, видимъ также и искреннюю исповѣдь ихъ собственныхъ отношеній къ намъ. Конечно, не всѣ сочиненія иностранцевъ имѣютъ одинаковое достоинство, не все и въ болѣе достойныхъ сочиненіяхъ составляетъ для насъ несомнѣнную важность. Это мы будемъ имѣть въ виду при пользованіи иностраннымъ матеріаломъ.

Чтобы не быть односторонними въ своемъ изслѣдованіи, мы взглянемъ на нравственное состояніе русскаго общества и съ той стороны, которой не касались, по крайней мѣрѣ въ своихъ письменныхъ памятникахъ, Максимъ Грекъ, Стоглавый соборъ, м. Даніилъ и другіе современные имъ писатели. Эту обратную свѣтлую сторону въ исторіи внутренней жизни русской церкви мы раскроемъ въ послѣдней главѣ нашего сочиненія.

